Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2026. Т. 26, вып. 3. С. 322–328
Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2026, vol. 26, iss. 3, pp. 322–328
https://imo.sgu.ru https://doi.org/10.18500/1819-4907-2026-26-3-322-328, EDN: CUVKKP

Научная статья
УДК 81'272(47+57)|192|

Языковая политика и ее реализация в СССР в 1920-х гг.

Ф. Л. Синицын

[1]Институт всеобщей истории РАН, Россия, 119334, г. Москва, Ленинский пр-т, д. 32 а
[2]НИУ «МЭИ», Россия, 111250, г. Москва, ул. Красноказарменная, д. 14, стр. 1

Синицын Федор Леонидович, доктор исторических наук, доцент, [1] ведущий научный сотрудник, [2] профессор кафедры истории и культурологии, permcavt@gmail.com, https://orcid.org/0000-003-2299-204X, AuthorID: 593009

Аннотация. Языковая политика в СССР имела высокую идеологическую важность. Практической реализацией языковой политики Советского государства было «языковое строительство». Оно имело два главных направления, одним из которых было «улучшение» имеющихся и создание новых литературных языков, а вторым и важнейшим – реформа алфавита. В 1920-х гг. в СССР был взят курс на латинизацию письменности. Языковой компонент кампании по «коренизации» предполагал перевод на местные языки официального делопроизводства и системы образования. Достижения советского языкового строительства неоспоримы. В то же время в этой сфере было допущено много ошибок, одной из причин которой было превалирование не научных, а политико-идеологических целей.
Ключевые слова: языковая политика, языковое строительство, реформа письменности, латинизация, национальная политика, СССР

Для цитирования: *Синицын Ф. Л.* Языковая политика и ее реализация в СССР в 1920-х гг. // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2026. Т. 26, вып. 3. С. 322–328. https://doi.org/10.18500/1819-4907-2026-26-3-322-328, EDN: CUVKKP

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Language policy and its implementation in the USSR in 1920s

F. L. Sinitsyn

Institute of World History of the Russian Academy of Sciences, 32a Leninsky prospect, Moscow 119334 Russia
National Research University "Moscow Power Engineering Institute", buding 1, 14 Krasnokazarmennaya St., Moscow 111250 Russia

Fedor L. Sinitsyn, permcavt@gmail.com, https://orcid.org/0000-003-2299-204X, AuthorID: 593009

Abstract. Language policy in the USSR was of high ideological importance. The practical implementation of the language policy of the Soviet state was "language construction". It had two main directions, one of which was the 'improvement' of existing and the creation of new literary languages, and the second and most important was the reform of the alphabet. In the 1920s the USSR embarked on the Latinization of writing. The language component of the "korenization" campaign involved translating official records and the education system into local languages. The achievements of Soviet language construction are undeniable. At the same time, many mistakes have been made in this area. One of the reasons for these mistakes was the prevalence of political and ideological goals rather than scientific ones.
Keywords: language policy, language construction, reform of writing, ethnic policy, USSR

For citation: Sinitsyn F. L. Language policy and its implementation in the USSR in 1920s. *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2026, vol. 26, iss. 3, pp. 322–328 (in Russian). https://doi.org/10.18500/1819-4907-2026-26-3-322-328, EDN: CUVKKP

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Языковая ситуация, как и в целом этническая, во вновь созданном Советском государстве была сложной. Эффективную реализацию советской национальной политики сдерживало недостаточное развитие многих языков, не имевших устойчивого литературного стандарта, орфографии и даже письменности. Значительная часть языков в СССР характеризовалась многодиалектностью. Препятствием для «языкового строительства» была лексическая бедность национальных языков. С политической точки зрения самым опасным было то, что в языках отсутствовали слова, необходимые для «социалистического строительства» [1, л. 101], и они не были приспособлены к выражению «новых понятий и идей» [2, л. 2]. Кроме того, в уже имевшейся терминологии существовал разнобой, в том числе между родственными языками [3, с. 253]. В языковой ситуации в СССР важную роль играл внешнепо-

© Синицын Ф. Л., 2026

литический фактор, т. к. многие народы страны имели собратьев по другую сторону границы.

Важнейшей проблемой языкового строительства было то, что во многих районах СССР этническая идентичность населения фактически не была выражена, в связи с чем предстояло структурирование идентичности населения, определение границ этноса, который должен обслуживаться вновь создаваемым литературным языком [4, с. 274]. Кроме того, например, в Енисейской губернии в начале 1920-х гг. было отмечено и такое явление среди хакасов, латгальцев и других нацменьшинств: «Свой родной язык забыли, а русскому не научились» [5, л. 10] (т. е. происходила «креолизация» или «пиджинизация» языка).

Сложной была ситуация и в сфере письменности. Кириллицей пользовались русские, украинцы, белорусы, коми, мордва, осетины, удмурты, чуваши, якуты. Эстонцы, латыши, литовцы, немцы, поляки применяли латинскую графику. Буряты использовали монгольскую письменность, а калмыки – созданный на ее основе зая-пандитский алфавит. Армяне, грузины и ассирийцы имели свои оригинальные алфавиты. Восточноевропейские, горские, крымские, среднеазиатские евреи и караимы пользовались еврейской письменностью. Многие этносы Средней Азии, Кавказа и Поволжья использовали арабский алфавит. Кроме того, среди соответствующих этнических групп была распространена китайская и корейская письменность. Однако советские эксперты по языковому строительству отмечали, что «огромное большинство народов были совершенно бесписьменными и неграмотными» [6, л. 25]. Также среди многих даже имевших письменность этносов была выявлена почти поголовная неграмотность [7, л. 38]. Во многих регионах РСФСР был низким уровень использования местных языков [8, л. 18].

В этих сложных условиях языковая политика СССР была направлена на решение всех накопившихся проблем. Цель государства состояла в том, чтобы «каждый, независимо от национальной принадлежности, мог свободно пользоваться своим материнским языком и овладеть на нем высотами мировой культуры». Эта политика не имела прецедентов в мире [9, с. 13].

Языковая политика имела высокую идеологическую важность [10, с. 144]. На Тюркологическом съезде в Баку в 1926 г. видный советский деятель М. П. Павлович заявил, что «родной язык – это величайшее орудие революционной пропаганды и революционного просвещения» [11, л. 31]. И. В. Сталин еще в 1913 г. дал свое определение нации, которое подчеркивало критическую важность языка: «Исторически сложившаяся устойчивая общность людей, возникшая на базе общности языка, территории, экономической жизни и психического склада, проявляющегося в общности культуры» [12, с. 8].

В Советском государстве был взят курс на развитие всех языков. Уже в феврале 1918 г. было предписано использование «местных» языков в судах. Началось централизованное издательство национальной литературы. Советская Россия стала первой страной в мире, где обеспечивались языковые права нацменьшинств [9, с. 13].

В языковой политике, как и в целом в национальной сфере, власти Советского Союза пытались балансировать между двух «уклонов». В качестве «великодержавного шовинизма» в языковой сфере рассматривалось стремление «привить угнетенным национальностям культуру и письменность» более крупного этноса [13, л. 2 об.]. Интересно, что изначально у одного из главных творцов советского языкового строительства Н. Ф. Яковлева были идеи, в которых фактически звучал «великодержавный шовинизм» (еще и с «религиозным уклоном»). Он считал, что «национальность малая, бесписьменная, по-настоящему двуязычная, религиозно не отчужденная от господствующей» нации, должна иметь «с первого же года школы обучение на языке господствующей национальности» и на нем же – всю литературу. Для бесписьменных народов, у которых только зарождалось двуязычие, Яковлев предлагал «алфавит целиком согласовать с алфавитом господствующей национальности» [14, с. 239]. Однако такие идеи были отброшены.

«Местный национализм» определяли как отрицание «единства развития всех языков мира», восприятие «своего» языка как «исстари самостоятельного и целого», а также требование «создания письменности, ничего общего не имеющей с письменностью др[угих] народов» [13, л. 2 об.].

«Великодержавный шовинизм» считался «главной опасностью» в языковой политике. В том числе с целью борьбы с ним, руководство СССР отказалось от официального установления государственного языка. Еще в январе 1914 г. В. И. Ленин писал, что «обязательный государственный язык… значит практически, что язык великороссов, составляющих меньшинство населения России, навязывается всему остальному населению России» [15, с. 293]. В апреле 1918 г. И. В. Сталин заявил: «Никакого обязательного “государственного” языка – ни в судопроизводстве, ни в школе! Каждая область выбирает тот язык или те языки, которые соответствуют национальному составу ее населения» [16, с. 70]. Принцип отказа от государственного языка был отражен в Декларации прав народов России 1917 г. и Конституции РСФСР 1918 г. Союзная Конституция 1924 г. провозглашала равный статус «общеупотребительных» языков союзных республик – русского, украинского, белорусского, грузинского, армянского и «тюркотатарского» (азербайджанского).

В духе воззрений В. И. Ленина власти СССР объясняли политику отказа от государственного языка тем, что «единый, обязательный язык… неизбежно превратится в господствующий язык. Это обстоятельство превращает нацию господствующего языка в господствующую национальность, творящую единый язык, единую для всех национальную культуру» [17, с. 18]. Другие обоснования отказа от государственного языка включали невозможность с помощью русского языка «распространять культуру и цивилизацию» и «популяризовать революционные идеи пролетариата» среди «нерусских» народов СССР, т. к. этот язык «не знают 99% крестьянского населения наших восточных областей» [11, л. 31, 114].

Характерно, что в стране был «выявлен» не только «русский», но и «нерусский» «великодержавный шовинизм» – в частности, «татарский», проявлявшийся в претензиях на «гегемонию на литературном фронте перед всем Востоком» и на «доминирующую роль татарского языка» [18, л. 53]. Кроме того, в 1927 г. ОГПУ сообщило о наличии «узбекского великодержавный шовинизма», который проявился в призывах к тому, что уйгурам, проживавшим Узбекистане, не нужен собственный язык, «ибо уйгурский язык в основе является узбекским» [19, л. 204]. Поэтому выдвигалась идея, что не должно быть и «местного» государственного языка в национальных регионах [20, с. 52]. Были распространены идеи, что гражданам страны вообще не нужен единый язык, т. к. «трудящиеся объединяются общими классовыми интересами, а не языком» [21, с. 11]. Советская власть взяла курс на внедрение двух и более языков в речевую практику населения национальных республик [10, с. 159].

Кампания по «коренизации» предполагала не только привлечение к работе в органы власти представителей автохтонного населения, но имела и языковой компонент – перевод на местные языки официального делопроизводства. Власти провозгласили, что «доступность как низовых, так и верховных органов управления советской власти для широких масс населения в значительной степени обуславливается мероприятиями, проводимыми на языке, понятном для этих масс» [22, л. 1–1 об.]. В декабре 1923 г. ВЦИК и СНК РСФСР приняли постановление, которое предписало «постепенно переводить делопроизводство всех государственных органов или отдельных их частей на соответствующие местные языки», а также что «при приеме на государственную службу при прочих равных условиях преимущество должно отдаваться лицам, знающим местные языки» [23, л. 1–2].

«Коренизация» культурно-просветительной сети была объявлена «орудием наилучшего, наиболее полного и эффективного обслуживания культурных нужд в потребностей трудящихся масс нацменьшинств, наиболее полного и быстрого приобщения их к социалистической культуре и вовлечения в социалистическое строительство, лучшее и наиболее эффективное средство коммунистического воспитания и обучения их» [24, л. 9]. Соответственно, были приняты меры по развитию системы образования на национальных языках [11, л. 115].

Хотя формально в СССР от «общего» языка отказались, творцы советского языкового строительства видели решение «национального вопроса» в «сближении народов, сближении культур, а затем… их слиянии, вплоть до единого языка» [25, с. 36]. В дальнейшем предполагалось взять курс на создание «всемирного» языка, «языка мирового социалистического общества» [26, с. 3], что соответствовало утопическим, «левацким» воззрениям, распространенным в те времена. В январе 1919 г. профессор Л. Т. Титов писал, что, «несмотря на разноязычие, люди являются членами одной семьи – человечества», и теперь, после революции, они «более, чем когда-либо, нуждаются в средстве для взаимного понимания – в международном языке» [27, л. 44]. Лидер советских эсперантистов Э. К. Дрезен утверждал, что после «мировой революции» «падут границы государственные», после чего «должны будут пасть и восемьсот “языковых границ” между народами» [28, с. 28]. Одновременно возникли мысли и о «едином международном алфавите». В 1920 г. филолог Н. С. Державин заявил о «неизбежной необходимости» иметь такой алфавит, т. к. «этого требуют интересы общечеловеческой культуры, единения и братства» [29, с. 11].

Идеи о «всемирном языке» развивались в СССР попутно с движением в поддержку международных искусственных языков, самым известным из которых был эсперанто. Октябрьская революция вызвала к жизни «красный эсперантизм» [30, с. 123–124]. В 1921 г. в Москве был проведен всероссийский эсперантистский съезд, на котором было основано «Объединение эсперантистов советских республик», генеральным секретарем которого был избран Э. К. Дрезен. К 1930 г. количество членов эсперантистского движения достигло 16 116 чел., которые проживали в 687 населенных пунктах СССР [31, с. 78–79].

Сторонники международных искусственных языков на роль будущего «всемирного языка», разумеется, предлагали один из таких языков и были против введения какого-либо «естественного» языка в качестве всемирного [28, с. 24–26]. Они крайне резко отзывались об «естественных» языках – например, называли их «окаменелостями» [32, л. 47].

Советские эсперантисты выражали поддержку советскому правительству и готовность оказать помощь «в деле осуществления его международных задач» [33, л. 19]. В ответ эсперантистское движение получило поддержку

со стороны властей [30, с. 124]. В 1923 г. регулярные передачи на эсперанто начало Московское радио, а затем – радиостанции Ленинграда, Минска, Харькова, Краснодара, Барнаула и других городов [34, с. 139]. Главный политико-просветительный комитет Наркомпроса РСФСР (Главполитпросвет) участвовал в финансировании пропаганды эсперанто [35, л. 243].

Наиболее активно продвижение эсперанто осуществлялось в сфере связи. Так, в 1920 г. в Николаеве был создан кружок эсперантистов при культурно-просветительском отделе губернского управления Наркомсвязи. Тогда же Череповецкое управление связи приняло решение открыть курсы эсперанто. К 1921 г. изучение эсперанто на предприятиях связи стало, фактически, обязательным [35, л. 2, 5, 11, 141].

Предложения о внедрении эсперанто в систему образования рассматривались на государственном уровне. При Наркомате просвещения РСФСР была создана комиссия по разработке вопроса о факультативном преподавании международного языка в школе [27, л. 27]. В мае 1920 г. Наркомпрос разрешил преподавание эсперанто как факультативного предмета [34, с. 137–138].

Однако в итоге изучение международных искусственных языков в СССР не было принято в государственной системе образования. Согласно постановлению Главполитпросвета, опубликованного в декабре 1921 г., все организации, связанные с распространением эсперанто, считались «частными, от государственных органов не зависящими» [36, л. 37]. В феврале 1923 г. коллегия Главного управления социального воспитания и политехнического образования Наркомпроса РСФСР (Главсоцвос) приняла решение «считать распространение международных языков идо, эсперанто делом частным и не пользующимся официальной поддержкой, против же введения преподавания названных языков в школе во внеурочное время не возражать». В марте того же года аналогичное решение было принято руководством Наркомата просвещения РСФСР [37, л. 7, 9].

В 1929 г. выдвигались идеи об официальном внедрении эсперанто вместо латыни в медицине. Они рассматривались наркоматами здравоохранения РСФСР и Украинской ССР. Однако в январе 1930 г. Ученый медицинский совет Наркомздрава РСФСР принял решение, что «для замены латинского языка в мед[ицинской] номенклатуре языком эсперанто нет никаких оснований» [38, л. 1–4].

Практической реализацией языковой политики Советского государства было «языковое строительство». Оно имело два главных направления, одним из которых было «улучшение» имеющихся и создание новых литературных языков. Однако важнейшим и наиболее широкомасштабным направлением этой деятельности стала реформа алфавита. Поэтому если изначально термин «языковое строительство» обозначал весь спектр этой деятельности, то уже вскоре им стали обозначать именно работу по усовершенствованию и созданию алфавитов [39, с. 7], т. к. стало понятно, что без реформы письменности создание новых литературных языков в большинстве случаев осуществить невозможно. Создание новой письменности давало возможность создать и новый литературный язык.

Приоритетной целевой группой для языкового строительства были те народы СССР, «которые до сих пор не имеют своей письменности или письменность которых недавно создана» [40, л. 4]. Чтобы превратить диалекты в национальные языки, необходимо было сначала определиться с алфавитом [41, с. 269], а уже затем переходить к вопросам лексики, терминологии [42, л. 25 об.] (включая заимствование новых слов для преодоления «бедности языка» [43, л. 167 об.]), орфографии, грамматики. Таким образом, был выбран курс: «От алфавита – к литературному языку» [44, л. 10].

В 1920-х гг. в СССР был взят курс на латинизацию письменности. Уже в начале 1920-х гг. была осуществлена латинизация письменности в Азербайджане, Якутии и ряде других регионов СССР, а также появились идеи о «русской латинизации». В 1926 г. в Баку был проведен Тюркологический съезд, который дал старт распространению латинизации на всесоюзном уровне. Изначально целевой группой для всесоюзной латинизации являлись тюркские народы, а с 1930 г. в нее были включены все остальные этносы СССР. Кампания по латинизации продолжалась почти до конца 1930-х гг.

В итоге «объектом» латинизации стали десятки народов СССР, которые ранее имели письменность, основанную на арабском алфавите (этносы Средней Азии, Кавказа, Поволжья, Крыма), на кириллице (финно-угорские этносы, осетины, чуваши, народы Сибири, Крайнего Севера и Дальнего Востока), на монгольском алфавите (буряты и калмыки), на своем «национальном» алфавите (ассирийцы, греки, евреи, корейцы), на иероглифической письменности (китайцы), а также бесписьменные народы.

Наиболее масштабная борьба развернулась за латинизацию письменности народов, пользовавшихся арабским шрифтом. Основной костяк аргументов за реформу письменности был разработан латинизаторами именно для этих народов, и затем эта аргументация использовалась при продвижении латинизации у других этносов СССР.

В стране педалировалась политическая, «классовая» значимость письменности. Нарком по иностранным делам Г. В. Чичерин отмечал, что «вопрос о принятии тюркскими народами СССР латинского шрифта имеет огромное политическое значение» [45, л. 1]. Один из творцов

латинизации Н. Ф. Яковлев подчеркивал, что «всякая грамота – не только техника письма, но и его идеология» [46, л. 121], «отражение… культурной ориентации господствующих классов», и «когда мы решаем те или иные практические вопросы языка, мы все время решаем вопросы, по существу, политические» [47, л. 8 об.–9].

Практика языкового строительства в СССР, разумеется, была сопряжена с воплощением в жизнь программы «коренизации». Осуществленные в рамках «коренизации» меры по переводу делопроизводства и судопроизводства на «национальные» языки считались «вопросом особой важности» [48, л. 11 об.].

Перевод делопроизводства на местные языки воплощался, например, таким образом: к марту 1925 г. в АССР Немцев Поволжья в сельсоветах немецких сел делопроизводство велось на немецком языке, а в селах со смешанным населением – на языке большинства населения. Совнарком и ЦИК республики, а также кантонные (районные) исполкомы отвечали на запросы населения на том языке, на каком они были написаны [49, л. 1].

Проводилось также обучение чиновников «национальным» языкам, чтобы они могли и обучиться грамоте, и овладеть разговорным языком [50, л. 3]. В Узбекистане был установлен срок обучения «титульному» языку для «работников-европейцев» – от 1 до 3 лет [51, л. 3], в Карелии для советских служащих были организованы годичные курсы на «финско-карельском» языке [52, л. 2], в Калмыкии – специальные курсы для секретарей местных исполкомов [8, л. 18]. Важной в этом процессе была роль нового алфавита – в Казахстане изучение «европейцами» «титульного» языка проводилось одновременно с изучением нового алфавита [53, с. 19].

Внедрение «национальных» языков в систему образования проводилось на основании уверенности в том, что «воспрещать учение на родном, понятном ребенку языке… нецелесообразно» [54, л. 136]. Уже к началу 1920-х гг. в Татарии было введено преподавание «титульного» языка в школах II-й ступени и в профессионально-технических учебных заведениях [48, л. 6 об.]. В Карелии к 1925 г. в школах II ступени и частично в школах I ступени обучение велось на русском и «финско-карельском» языках [52, л. 2]. В Дагестане в средней школе преподавание было решено ввести на родном языке [55, л. 108 об.]. В декабре 1930 г. Наркомат просвещения РСФСР принял постановление о завершении коренизации школ I ступени не позже 1931/32 учебного года, средней школы – 1932/33 учебного года, высшей – 1933/34 учебного года. При этом «лица, не пожелавшие изучить национальный язык и преподавать на нем», должны были заменяться «лицами, знающими соответствующий национальный язык». К 1931 г. в СССР работали 13 национальных педагогических вузов и 25 национальных отделений педвузов [17, с. 4–5, 13].

Языковой компонент «коренизации» включал расширение издательской деятельности на «национальных» языках. В 1922 г. 3-й съезд советов Татарской АССР принял решение о «сосредоточении исключительного внимания на татарских изданиях» [48, л. 6 об.]. В Карелии к 1925 г. было развернуто издание литературы на «финско-карельском» языке, а также пополнение библиотек и изб-читален финской литературой [52, л. 2]. В том же году было решено расширить издание литературы на немецком языке в АССР Немцев Поволжья [49, л. 11].

В 1925/26 учебном году на Украине работали 2764 национальные школы. В Ленинграде функционировали 11 национальных домов просвещения (польский, латышский, немецкий, литовский, еврейский, венгерский, татарский, украинский, белорусский, эстонский, финский), а в Ленинградской области в 1929/30 учебном году было 274 финских, 89 эстонских, 55 вепсских школ и 21 латышская [4, с. 11 об.].

В Татарской АССР внедрение татарского языка в госучреждениях началось в 1922 г. [48, л. 11 об.]. В Бурятии мероприятия по «коренизации» аппарат государственных структур стали проводиться с начала 1924 г. За два года делопроизводство на местном уровне частично было переведено на бурятский язык. В Карелии к 1925–1926 гг. было внедрено делопроизводство на финском языке. С 1923 по 1925 гг. в Казахстане были «коренизованы» все аульные и волостные органы казахских волостей. К середине 1920-х гг. в Коми АО перевод делопроизводства на коми язык был проведен «в низовом аппарате… почти полностью, в обл[астных] учреждениях – частично», а «судоговорение» происходило в большинстве случаев на коми языке. Всего в республике было 35 судебных работников, из которых 32 были по национальности коми, и 3 – русские, которые в большинстве знали коми язык [8, л. 2, 4–5, 21]. В Коми-Пермяцком округе с мая 1931 г. на национальный язык была переведена работа органов суда, милиции и прокуратуры [56, л. 4]. К середине 1920-х гг. делопроизводство и судопроизводство осуществлялось на нескольких местных языках в Крыму [8, л. 6].

Таким образом, ввиду того что период 1920-х гг. был одним из самых бурных в плане реформ и перемен в нашей стране, эти процессы не обошли сферу языка и письменности.

Достижения советского языкового строительства неоспоримы. В 1920–1930-х гг. грамотность в «национальных» регионах СССР выросла в среднем в 6 раз, а кое-где – в 22 раза. Германский историк А. Фрингс отмечает, что «объективно причиной успеха ликвидации неграмотности был не латинский алфавит», а новая система образования [57, S. 382]. По нашему мнению, повлияли оба этих обстоятельства. Действи-

тельно, до Октябрьской революции проблемой грамотности большинства народов России целенаправленно не занимались, однако в регионах, где ранее использовалась более сложная письменность (арабская, монгольская), чем латиница, введение достаточно простого и соответствующего фонетике национальных языков «яналифа» не могло не повлиять в положительную сторону на рост грамотности населения.

В языковой сфере была проведена огромная работа, в том числе были созданы алфавиты для фонетически сложных языков (например, на Северном Кавказе), разработана орфография, составлены словари. Многие народы СССР вообще впервые получили письменность. Важную роль играли простота и удобство латинского алфавита по сравнению с арабским, монгольским и др. Создание новой письменности способствовало расширению фонетики некоторых «национальных» языков.

В итоге кампании по латинизации была переведена на новый алфавит письменность 68 (по другим данным – 69) народов. Однако следует оспорить вывод, что «латинский алфавит де-факто стал алфавитом всех неславянских народов [Советской] империи, за исключением грузин и армян» [58, с. 596], т. к. кириллицу продолжала использовать часть финно-угорских и тюркских народов СССР (марийцы, мордва, удмурты и чуваши).

В то же время в языковом строительстве было допущено много ошибок. Одной из них следует признать отказ от предоставления русскому языку статуса государственного и в целом попытки снижения роли русского языка. Ошибочной акцией был перевод на латиницу письменности народов, ранее использовавших кириллицу, а также создание новых латинизированных алфавитов для этносов, проживавших в окружении русского населения (в частности, в регионах Севера). В середине 1930-х гг. кампания по латинизации была отменена и все ранее латинизированные алфавиты были переведены на кириллицу.

Противоречивой и утопичной была поставленная в СССР цель не только «слияния», но даже и сближения языков народов страны между собой. Видимо, одной из причин ошибок, имевшихся в практике советского языкового строительства, было превалирование в нем не научных, а политико-идеологических целей. Как еще в 1950-х гг. писал британский ученый Дж. Берри, «там, где система письменности сопрягается (как это часто бывает) с неразумными и необоснованными политическими, национальными или религиозными пристрастиями, лингвист мало что сможет сделать» [59, p. 752].

Список литературы

1. Архив Российской академии наук (АРАН). Ф. 676 (Всесоюзный центральный комитет нового алфавита). Оп. 1. Д. 259.
2. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 1235 (ВЦИК). Оп. 123. Д. 237.
3. Первый всесоюзный тюркологический съезд : стенографический отчет. Баку : Нагыл Еви, 2011. 552 с.
4. *Беликов В. И., Крысин Л. П.* Социолингвистика. М. : РГГУ, 2001. 439 с.
5. ГАРФ. Ф. 1318 (Народный комиссариат по делам национальностей РСФСР). Оп. 1. Д. 1230.
6. АРАН. Ф. 676. Оп. 1. Д. 370.
7. ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 123. Д. 69.
8. ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 120. Д. 102.
9. Языковая политика в контексте современных языковых процессов / отв. ред. А. Н. Биткеева. М. : Азбуковник, 2015. 472 с.
10. *Борисенок Е. Ю.* Языковая политика УССР в условиях коренизации // Славянский альманах. 2017. № 1–2. С. 144–164.
11. ГАРФ. Ф. 5402 (Павлович М. П.). Оп. 1. Д. 107.
12. *Сталин И. В.* Марксизм и национальный вопрос. М. : Госполитиздат, 1952. 64 с.
13. АРАН. Ф. 676. Оп. 1. Д. 351.
14. *Яковлев Н.* Проблемы национальной письменности восточных народов СССР // Новый Восток. 1925. № 10–11. С. 236–242.
15. *Ленин В. И.* Полное собрание сочинений : в 55 т. М. : Госполитиздат, 1973. Т. 24. 557 с.
16. *Сталин И. В.* Сочинения : в 13 т. М. : Госполитиздат, 1947. Т. 4. 487 с.
17. За родной язык : сборник материалов по коренизации культурно-просветительной сети в РСФСР / сост. С. А. Гамалов. М. : Учпедгиз, 1932. 109 с.
18. ГАРФ. Ф. 5402. Оп. 1. Д. 109.
19. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 62 (Среднеазиатское бюро ЦК ВКП(б)). Оп. 2. Д. 881.
20. *Трайнин И.* От первой ко второй пятилетке (К вопросу об изживании экономической и культурной отсталости национальностей) // Советское государство. 1932. № 9–10. С. 34–57.
21. *Сяо Э.* Революция в китайской письменности // Национальная книга. 1931. № 7. С. 8–13.
22. ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 121. Д. 254.
23. ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 121. Д. 531.
24. ГАРФ. Ф. 3977 (Комитет Севера при Президиуме ВЦИК). Оп. 1. Д. 1015.
25. Письменность и революция / под ред. Д. Коркмасова, К. Алавердова, С. Диманштейна, А. Нухрат. Сб. 1. М. : ВЦКНА, 1933. 235 с.
26. Наши задачи // Революция и язык. 1931. № 1. С. 3–5.
27. ГАРФ. Ф. 626 (Сахаров А. А.). Оп. 1. Д. 7.
28. *Дрезен Э.* За всеобщим языком (Три века исканий). М. ; Л. : Госиздат, 1928. 269 с.
29. *Державин Н.* Вводить ли «латиницу»? // Книга и революция. 1920. № 2. С. 8–12.

30. *Вдовин А. И.* Русская нация в XX веке (русское, советское, российское в этнополитической истории России). М. : Проспект, 2019. 710 с.
31. *Андреев А.* Эсперантское движение в СССР // Революция и язык. 1931. № 1. С. 78–79.
32. АРАН. Ф. 358 (Институт литературы и искусства Коммунистической академии ЦИК СССР). Оп. 1. Д. 94.
33. ГАРФ. Ф. 259 (Совет министров РСФСР). Оп. 10 б. Д. 3022.
34. *Королевич А. И.* Книга об эсперанто. Киев : Наукова думка, 1989. 253 с.
35. ГАРФ. Ф. 5464 (ЦК профсоюзов работников связи). Оп. 4. Д. 243.
36. ГАРФ. Ф. 2306 (Министерство просвещения РСФСР). Оп. 4. Д. 98.
37. ГАРФ. Ф. 2306. Оп. 1. Д. 1788.
38. ГАРФ. Ф. 482 (Министерство здравоохранения РСФСР). Оп. 25. Д. 587.
39. *Исаев М. И.* Языковое строительство в СССР (процессы создания письменностей народов СССР). М. : Наука, 1979. 351 с.
40. ГАРФ. Ф. 7668 (Комитет по заведованию учеными и учебными учреждениями при Президиуме Верховного совета СССР). Оп. 1. Д. 1009. Л. 4.
41. *Каррер д'Анкосс Э.* Евразийская империя: История Российской империи с 1552 г. до наших дней. М. : РОССПЭН, 2010. 431 с.
42. АРАН. Ф. 394 (Отделение общественных наук АН СССР). Оп. 7. Д. 28.
43. АРАН. Ф. 676. Оп. 1. Д. 43.
44. АРАН. Ф. 676. Оп. 1. Д. 814 а.
45. ГАРФ. Ф. 5402. Оп. 1. Д. 118.
46. АРАН. Ф. 676. Оп. 1. Д. 155.
47. АРАН. Ф. 358. Оп. 2. Д. 189.
48. ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 120. Д. 203.
49. ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 121. Д. 413.
50. ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 122. Д. 194.
51. РГАСПИ. Ф. 62. Оп. 2. Д. 1373.
52. ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 120. Д. 187.
53. Отчетный доклад Центрального комитета нового казакского алфавита на IV пленуме Всесоюзного ЦК нового тюркского алфавита. Алма-Ата : КЦКНА, 1930. 27 с.
54. ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 122. Д. 471.
55. РГАСПИ. Ф. 62. Оп. 2. Д. 2470.
56. АРАН. Ф. 676. Оп. 1. Д. 1239.
57. *Frings Andreas.* Sowjetische Schriftpolitik zwischen 1917 und 1941: Eine Handlungstheoretische Analyse. Stuttgart : F. Steiner, 2007. 455 p.
58. *Баберовски Й.* Враг есть везде. Сталинизм на Кавказе. М. : РОССПЭН, 2010. 854 с.
59. *Berry J.* The Making of Alphabets // Proceedings of the Eight International Congress of Linguists. Oslo : Oslo University Press, 1958. P. 752–770.

Поступила в редакцию 18.12.2025; одобрена после рецензирования 23.12.2025;
принята к публикации 12.04.2026; опубликована 30.09.2026

The article was submitted 18.12.2025; approved after reviewing 23.12.2025;
accepted for publication 12.04.2026; published 30.09.2026